

УДК 930 (94) 081/083

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИКАМИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990 – 2000-е гг.)

А. В. Литягина

MENTALITY AND ITS RESEARCH BY HISTORIANS IN THE POST-SOVIET PERIOD (1990– 2000 s)

A. V. Lityagina

В статье рассматриваются особенности изучения ментальности населения России и отдельных её регионов в трудах историков 1990 – 2000-е гг., возможности продуктивного использования данного понятия для освещения социальных процессов, трудности исследовательского поиска и результаты историографических наработок.

The peculiarities of studying the mentality of the population of Russia and some of its regions by the Russian historians of the 1990s – 2000, the possibilities of productive use of the given notion for interpretation of social processes, and some historiography findings are considered in the article.

Ключевые слова: ментальность, ценности, отечественная история, историография.

Keywords: mentality, value, native history, historiography.

Появление в историческом лексиконе понятия "ментальность" связывается с именами Марка Блока и Люсьена Февра, основавших в 1929 году в Париже журнал "Анналы экономической и социальной истории". Взгляды анналистов приобрели широкую известность уже перед Второй мировой войной, но активная разработка истории ментальностей как интегральной части социальной истории развернулась с 60-х годов. «Изучение ментальностей – закономерный и логичный результат исканий наиболее выдающихся историков современности. Показательна эволюция таких крупных медиевистов, как Ж. Дюби или Э. Леруа Ладюри: составив себе имя в качестве исследователей социальной и аграрной истории, они обратились затем к изучению ментальностей – неотъемлемого и в высшей степени существенного аспекта социальной истории, без уяснения которого непонятна, с их точки зрения, и сама социальная история» [21, с. 78 – 79].

Советские медиевисты, комментаторы идей анналистов Ю. Н. Афанасьев, А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный эффективно адаптировали категорию ментальности для анализа целых пластов исторической реальности [3, 4, 7, 22, 23 и др.]. Вслед за историками термин быстро освоили философы и психологи, культурологи и социологи. Выдающимися событиями в сфере исторической науки стало появление работ

М. М. Бахтина, трудов Тартусской школы семиотики, издание альманаха "Одиссей" [5, 30] и т. д.

Популярным является определение ментальности, которое содержится в работах А. Я. Гуревича, обозначающее, как он пишет, «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности». [21, с. 75] Действительно, говоря кратко, ментальность – социально-психологические установки, способы восприятия конкретного социума, манера чувствовать и думать. Ментальность выражает привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны. Ментальность включает в себя ценностные ориентации, но не исчерпывается ими, поскольку характеризует собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания. Ценности осознаваемы, они выражают жизненные установки, самостоятельный выбор святынь. Ментальность же восходит к бессознательным глубинам психики. Захватывая бессознательное, она выражает жизненные и практические установки людей, устойчивые образы мира, эмоциональные предпочтения, свойственные какому-либо сообществу. Данное понятие соединяет в себе аналитическое мышление, развитые формы сознания с полуосознанными культурными шифрами [29, с. 25].

Цель данной статьи – охарактеризовать отечественную историографию ментальности в 90-е гг. – 2000 годы и выявить основные тенденции изучения данной проблематики российскими историками.

Взяв на вооружение имеющиеся теоретические наработки по ментальности, историки в постсоветский период вновь обратились к изучению аспектов ментальности. Стоит сказать, что при этом было на что опереться из исследовательских наработок прошлых лет. В 70-е, 80-е годы XX в. были сделаны первые шаги в сторону расширения исследовательского спектра тем – от социально-экономической тематики до духовной. В частности, стали изучаться вопросы, связанные с общественной психологией. Во главе этого нового исследовательского направления стали специалисты по сибирскому крестьянству – М. М. Громыко, Н. А. Миненко и др., посвятившие свои труды изучению крестьянского поведения и мировидения [20, 37, 39]. Тогда же появились новаторские исследования М. М. Громыко и В. П. Бойко о социально-психологических особенностях сибирского купечества [19, 8, 9].

В 90-е гг. XX в., усилился интерес историков к предпринимательству, к купечеству. Исследователи наряду с торгово-промышленной деятельностью деловых людей прошлого анализировали их общественную, благотворительную деятельность, затрагивали вопросы их духовного мира [48, 51, 52, 6, 10]. По-новому начинают выглядеть предприниматели прошлой эпохи, во многом отличаясь от характеристик этого слоя из прежних советских книг. Ставится вопрос о неоднозначности социально-психологического портрета купцов, их сложном духовном мире [47, 49, 44].

В эти же, 90-е гг. XX в. появляется ряд работ, в которых рассматривается сложность методологического и теоретического плана проблематики ментальности, делаются попытки характеристики психологических особенностей социальных слоёв, классов и общностей с уже очень активным применением термина «ментальность» и «менталитет» [25, 32 – 36]. Появились исследования как по ментальности отдельных слоёв населения, так и по изучению социально-психологического аспекта революционного кризиса. Авторскую концепцию революционных событий 1917 г. изложил в своей книге В. Булдаков. При этом он во многих случаях удачно интерпретировал поведение рабочих, крестьян, солдат с точки зрения эмоционально-психологических установок, ментальности. По сути, через психологию масс автор анализирует революционный переворот, смену власти. Кризис в стране, который возник в результате Первой мировой войны, паралича власти, создал благоприятные предпосылки к установлению большевистской диктатуры. В. Булдаков показал, каким образом ментальные установки масс были использованы политиками для утверждения нового типа власти, своей власти. Так, автор отмечает: «Специфичность соотношения эмоционального и рационального в крестьянском движении позволяла властям при истощении запаса его пассионарности управлять общинной психологией в своих интересах» [11, с. 113]. И далее автор точно указывает, что это, как и в других случаях, было возможно до определённых пределов. В книге показана психология населения смутного времени. Именно через неё автор приходит к положениям, противоречащим многим марксистским догматам о причинах, характере, ходе Октябрьской революции 1917 г. Так, он пишет:

«Вопрос о внутренней направленности движения и реальных ценностных установках российского пролетариата будет оставаться запутанным до тех пор, пока исследователи станут исходить из простейшей посылки: рабочие, как и все, боролись за физическое выживание, стремясь к воссозданию психологически наиболее удобных для себя социально-патерналистских условий; всё их «антибуржуизм» носило декларативный или ситуационно-эмоциональный характер» [11, с. 99 – 100]. Исследование, безусловно, стало новаторским, веховым в области исследования ментальности народа в сложные исторические периоды.

Значительным вкладом в разработку темы ментальности крестьянства России начала XX в. стала монография О. Г. Буховца. Автор выявил наличие огромного массива ценных источников для историков, занимающихся исследованием крестьянской ментальности, отложившихся в десятках фондов Российского государственного исторического архива [12, с. 80 – 88]. Исследование показывает успешность применения методов математической статистики при работе с массовыми документами, несущими информацию по общественному сознанию. Вывод о синкретизме крестьянского сознания, его многослойности [12, с. 225] порождает новые вопросы перед историками, занимающимися изучением ментальности, о чём ниже пойдёт речь. Впрочем, в книге О. Г. Буховца понятия «ментальность» и «массовое сознание» используются как синонимы, и это в определённой мере защищает отстаиваемые автором положения и выводы.

Думается, благодаря гибкости и нестрогости определения понятия «ментальность» историки с большим интересом включились в изучение данного феномена, публикуя статьи, обсуждая на конференциях, издавая монографии, работая над диссертациями. При этом высвечивались наиболее проблемные, дискуссионные и развивающиеся стороны исследований по ментальности. Так, например, В. Л. Кожевин отметил, что «для историка революции оперирование категорией "ментальность" затруднено тем обстоятельством, что поведение масс в условиях революционного кризиса в значительной степени детерминировано идеологическими лозунгами и установками. Поэтому здесь возникает еще одна очень серьезная проблема – проблема взаимодействия двух различных уровней коллективных представлений» [27, с. 79]. Действительно, в революционную эпоху действия народных масс всегда на пределе и даже за пределом своих устойчивых, неотрелексированных стереотипов поведения и мышления, формировавшихся на протяжении веков, резко возрастает роль подвижных, изменчивых, рационализированных элементов коллективного сознания. Перед исследователем может встать вопрос, а что именно относить к влиянию ментальности, и что – к влиянию идеологии? Отметим, что, по нашему мнению, возможно наличие нескольких детерминант социального поведения не только в революционный период, но и в другие переломные для судеб людей эпохи. Если ментальность понимать именно так, как определяет В. Л. Кожевин («неотрелексированное содержание глубинных слоев сознания»), а это достаточно узкая трактовка, так как включается лишь уровень внесознательного в структуру ментальности, то, помимо последней, на социальное поведение так же активно действуют другие факторы: география, климат, природа, геополитика, не говоря уже об идеологии.

Вышеуказанный автор, как бы подводя некоторые итоги исследования ментальности в 90-е гг XX в., с сожалением сетовал, что «на сегодняшний день безболезненно конструировать модели революционного взрыва 1917 года, опираясь на понятие российской ментальности или менталитета русского народа, может позволить себе только философия. ... Историческая наука пока же не выработала сколько-нибудь четких и верифицируемых представлений об этом феномене, а заимствование последних извне ... без предварительного перевода на язык собственной дисциплины лишено всякого смысла» [27, с. 82 – 83].

Однако, несмотря на наличие такого пессимистического взгляда, исследования по ментальности населения России начала XX в. получили в своё продолжение и развитие. Мы склонны объяснять активную исследовательскую работу в историографии этого направления более широким пониманием ментальности историками, которое предполагает не сводить данное понятие только к неосознанному, а видеть в нём и наличие подвижных структур, рациональных, осознаваемых. Именно такая широкая трактовка термина и позволяет проводить подобные работы.

Нельзя отрицать и того факта, что историкам удаётся во многих случаях показывать действительно глубокие пласты подсознания, фиксируемые в различных источниках. В солидных работах по социальной истории обращение к ментальности населения, её анализ, органично дополняют воссозданные реалии прошлого. Так, макроисторическое исследование Б. Н. Миронова, впервые изданное в 1999 г., содержит раздел по ментальности городских низов России в имперскую эпоху [38]. Автор показал, что психология мещан во многом была схожа с психологией деревенских жителей. Был приведён ряд убедительных свидетельств современников о таких реалиях в малых и средних городах России. Отмечалось, что у крестьян и городских низов был общий фольклор (поговорки, пословицы), сходные нравы, традиции, предрассудки и развлечения.

При этом, «чем меньше был город и чем больше его жители занимались сельским хозяйством, тем меньше горожане отличались от крестьян во всех отношениях, в том числе и по своему менталитету» [38, с. 332]. После проведения великих реформ 1860-х гг. система ценностей крестьянства и городских низов переживала трансформацию, в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма [38, с. 332]. Однако процесс формирования ценностной системы и норм, соответствующих модернизации, был непростым и длительным. Автор, таким образом, пришёл к выводам, с которыми весьма трудно спорить.

Большую исследовательскую работу по изучению менталитета социальных низов провела О. С. Поршнева [42, 43]. Поставив своей целью изучить менталитет рабочих, крестьян и солдат в годы Первой мировой войны, автор использовала междисциплинарный синтез, методы смежных гуманитарных наук: социальной и исторической психологии, социологии, культурной антропологии, философии, лингвистики, количественные методы анализа массовых документов. О. С. Поршнева на основе документов разного характера, в том числе источников личного происхождения, фольклорного материала, коллективных писем и обращений, статистических данных удалось показать новые тенденции

в эволюции ментальности указанных слоёв общества, коррозию прежних ценностей и, одновременно, устойчивость традиционалистских парадигм сознания. В диссертации показаны действительно мысли и чувства людей, живших в сложный исторический период империалистической войны и революционных ситуаций. В работе, по сути, выявлено, как разрушались прежние базовые ценности в сознании населения, такие, как монархия, церковь [42, с. 132]. В то же время у крестьян сохранялась общинная ментальность [42, с. 133]. Автор выявила, что в среде рабочих возобладали три ценности: защита Отечества, экономическое улучшение и демократизация политического строя, проследила подготовку массовых настроений рабочих в пользу государственного регулирования производства и распределения продукции в масштабах страны. В работе выявлена и морально-психологическая готовность солдат к революции накануне февраля 1917 г. В данной диссертации вроде бы очерченными оказались те ментальные сдвиги у российского населения в указанный период, которые способствовали смене политического строя в стране.

Наряду с появлением такого рода исследований по ментальности, выходили работы, где шло сетование на отсутствие четкой методики анализа, достаточно обоснованных подходов к изучению, что нет теории, нет бесспорных, законченных выводов. Так, о теоретических проблемах и методологических трудностях изучения ментальности четко указал М. Кром [28, с. 181 – 185]. Этот автор отметил уязвимые места работ историков по данной тематике. Обращаясь к книге О. С. Поршневой, М. Кром указал на использование исследовательницей солдатских писем, где выражалось недовольство жестокой дисциплиной, плохим питанием, обмундированием и т. д. Далее М. Кром пишет о том, что действительно может вызывать вопросы и дискуссии: «Нисколько не умаляя ценности сделанных Поршневой наблюдений, хотелось бы заметить, что проанализированные ею письма содержат не какие-то «установки сознания», а живую реакцию людей на обстановку, в которой они находились» [28, с. 184 – 185].

Однако, несмотря на спорные моменты, научный опыт О. С. Поршневой был подхвачен в постсоветское время в историографии по анализу ментальных установок населения. Историки стремились показывать структуру самосознания, его базовые ценности, их эволюцию, коррозию, обновление и появление новых установок. Исследователи вычленили предпочтения населения, их смену, сосуществование одних, старых, с другими, инновационными. Многочисленные вопросы перспективного развития теории ментальности, методологического инструментария её изучения отодвигаются на второй план, не выходя, впрочем, из поля зрения гуманитарных наук и являясь актуальными и в настоящее время. В то же время наработки исторической науки по теории ментальности вкупе с результатами исследований и инструментарием философии, социальной психологии и культурной антропологии, социологии, культурологии, лингвистики на сегодняшний день предоставляют определённые возможности исследования общественного самосознания, отдельных его элементов. Схожесть понятий «самосознание», «сознание», «ментальность» положительным образом влияет на желание историков заниматься исследованием ценностных ориентаций населения, их эволюции. И

это происходит в условиях, когда в современных исторических диссертационных исследованиях на тему менталитета можно обнаружить полный разрыв в понимании сущности и структуры этого понятия. Менталитет изучается философами [15, 24, 54, 55], социологами [16], психологами [17], культурологами [56], и в их работах присутствует различное толкование понятия и даже понятий (в некоторых работах ментальность и менталитет разделяются и имеют различное содержание). Есть и нечто общее, в чём исследователи единодушны. Во всех работах указывается на обязательное присутствие в ментальном сознании уровня *внесознательного*. Более того, есть и крайняя позиция, согласно которой ментальные установки могут быть выражены только на неосознанном уровне. Так, современный исследователь Д. В. Полежаев делает упор именно на это, давая авторское определение вышеуказанного понятия: это устойчивая во времени большой длительности система внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формирующаяся и изменяющаяся как под влиянием внешних воздействий, так и путем внутренне обусловленного саморазвития, и функционирующая на уровне *внесознательного* [40]. Всё разнообразие в понимании ментальности, обоснование различных точек зрения на его природу, содержание, структуру и уровни свидетельствуют о бурном развитии данной проблематики, о широком исследовательском просторе и перспективах в этом направлении, о том, что фундаментальные гуманитарные работы по теории ментальности ещё впереди.

Между тем современная историческая наука, исследуя сферу мыслей и чувств населения прошлого, активно трудится в данном направлении, опираясь на некоторые не опровергнутые суждения относительно ментальности. Обязательным элементом ментальности является наличие базовых ценностей. Ценность – термин, используемый в философии и социологии для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающий к миру должного, целевого, смысловому основанию, Абсолюту [18, с. 1200]. Они трактуются как порождаемые культурой и позволяющие задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок. Ценностные ориентации – это прежде всего предпочтения или отвержения определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и готовность или неготовность вести себя в соответствии с ними [50, с. 1215]. В этом отношении содержание, вкладываемое в понятие «ценностные ориентации», соответствует изначальному значению слова «ориентация» (лат. *oriens, orientis* – восток) как имеющему значение определения своего положения в пространстве прежде всего по отношению к востоку – доминантно означенной точке восхода Солнца, но переносимом в смысловое пространство, а через него – и в социальное.

Ценностные ориентации, таким образом, задают общую направленность интересам и устремлениям общества и личности; иерархию предпочтений и образцов, целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений; представления о должном. Изучение ценностей как обязательного элемента ментальности с выше обозначенным содержанием, является в исторической науке возможным и актуальным. Самые различные источники, от делопроизводственной документации, осевшей в фондах Минис-

терства внутренних дел, губернатора и губернского присутствия, городских дум, мещанских управ, жандармерии и полиции, до мемуаров и фольклора, могут нести и несут информацию об отношении представителей разных социальных слоёв к тем или иным событиям, фактам, институтам, должностным лицам, к различного рода деятельности. По документам можно выявить как систему приоритетов, их общепризнанность и желанность или, напротив, не совсем общепризнанность и не совсем желанность, так и изменения в этой системе, смену предпочтений.

Не опровергнутым является и положение о том, что более всего ментальность проявляется в поведении людей. Ну, а изучить поведение людей прошлого на основе достаточного количества источников историкам подвластно. Все вышеназванные возможности исторического исследования вопросов ментальности населения способствуют появлению новых трудов по данной проблематике.

В 2000-е гг. получила своё продолжение работа учёных на различных форумах, посвящённых изучению и обсуждению специфики этносов, культур и ментальности. Так, регулярно стали проводиться конференции в Красноярске, посвящённые сибирскому субэтносу, вопросам духовной и материальной культуры [46].

Некоторые аспекты трансформации традиционного сознания в прединдустриальном городе прослеживает С. К. Лямин [31]. Автором была выявлена сильная инерция традиционного мышления населения провинциального города в 60 – 70 гг. XIX в., поведение горожан в русле корпоративности и патриархальности. Правомерна и постановка вопроса об отношении горожан к собственности и обогащению в условиях набравшей темпы модернизации. Ключевым моментом в рассмотрении ментальности населения в эпоху разрушения традиционного общества и утверждения нового, модернизационного социума является анализ ориентаций предпринимательства на расширение капитала, торгово-производственной деятельности, нацеленной на получение сверхприбыли. Получение прибыли – центральная ценность буржуазного общества и изучение исследователями отношения к ней в российских условиях напрямую показывает особенности местной ментальности или отсутствие таковых. В работе С. К. Лямина рассмотрена хозяйственно-экономическая деятельность купечества и мещанства и её воздействие на развитие представлений о собственности и богатстве. Хронологические рамки, взятые автором для исследования, предполагают те выводы, к которым приходит автор. 60 – 70 гг. XIX в. – короткий период после отмены крепостного права и наращивания темпов модернизации. Всё ещё было впереди: ускорение социально-экономического развития, рост производства, вызревание капиталистических отношений и ценностей. Город и в самом деле в эти годы был прединдустриальным. Поэтому и не удивляет вывод в диссертации об отношении к обогащению у торгово-промышленных слоёв как о традиционном; богатство рассматривалось «как сокровище, которое можно случайно приобрести и легко утратить» [31, с. 17]. Буржуазный дух, констатирует автор, вместе с капиталом последующим поколениям не передавался. Таким образом, в историческом исследовании высвечиваются определённые грани ментальности населения в прединдустриальную эпоху.

Трудности утверждения буржуазных ценностей рассматривает в своем исследовании А. В. Сергеев [45]. Автор констатирует «антибуржуазный менталитет российского общества (как интеллигенции, так и «просто-народья»), который чуждался культа богатых людей, культа наживы» [45, с. 19]. Конечно, не все задачи удалось решить исследователям в своих работах по ментальности с равным успехом. В диссертации А. В. Сергеева более убедительно показана традиционная психология провинциального крестьянства и менее обоснованными являются положения о ментальности интеллигенции, применительно к которой автор показывает лишь виды и характер деятельности, увлекаясь изложением поведения социального слоя.

Обоснованный подход к изучению менталитета, его изменений у провинциального городского населения в конце XIX – начале XX вв. используется в исследовании А. В. Бушмакова [13]. Исследователь указал, что следовал в общих принципах своей работы методике А. Я. Гуревича и в этой связи попытался вычленил некоторый набор категорий, образующих картину мира, базовых ценностей, некую сетку координат и проследил отношение к ним населения провинциального города в интересующий период. Базовыми ценностями были выбраны власть, религия, семья, деньги. Избрание именно этих ценностей для анализа их состояния в структуре самосознания горожан является понятным с учётом того периода, который рассматривается в исследовании. Конец XIX – начало XX вв. – это весьма содержательная эпоха для российских провинций по направлениям и характеру инноваций во всех сферах жизни общества. Модернизация означала изменения во всех элементах социальной системы и поэтому внимательное обращение к указанным базовым человеческим ценностям, связанным с государственностью, духовностью, материальным благополучием и организацией жизни индивидов, должно показать психологические установки населения, их особенности в изменяющемся мире. И в диссертации А. В. Бушмакова ставится вопрос об отношении к деньгам и богатству у горожан как наиболее явный показатель неприятия ценностей буржуазного общества. Автор сделал вывод о том, что «как сравнительно образованные и благополучные в материальном плане верхи провинциального русского города, так и его борющиеся за выживание низы, даже в первые десятилетия XX века, были ещё весьма далеки от идеала «кредитоспособного добропорядочного человека, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель» [13, с. 22]. Ценность прибыли даже активно отторгалась значительной частью городских жителей. В целом в данной работе повторяется вывод о том, что в провинциальном российском обществе рациональная ментальность индустриального времени ещё не сложилась.

Историко-конфессиональный (православный) взгляд на духовно-нравственное состояние русского общества представлен в диссертации А. А. Алексеева [1]. И хотя исследование напрямую не ставит задачу изучения менталитета российского общества в дореволюционный период, при рассмотрении общественного сознания автор работы, по сути, характеризует ментальные изменения, когда пишет, что уже с 90-х годов XIX века в обществе формировался безрелигиозный взгляд на мир. «Время религии начинало восприниматься обществом как уходящее в прошлое» [1, с. 18]. Автор выяв-

ляет духовно-нравственный кризис российского общества в конце XIX – начале XX в., что, как нам кажется, соответствует историко-конфессиональному, а именно – православному взгляду на самосознание населения. Безусловно, в ментальности значительной части российского общества происходили определённые изменения, связанные с секуляризацией жизни, ростом светской культуры и образования, коммерциализацией всех сфер, но эти изменения соответствовали модернизации, а в кризисе находились установки традиционного общества и культуры, что неизбежно при распространении новых ценностей, норм и образа жизни.

В последнее время стали появляться исследования по менталитету населения Западной Сибири в рассматриваемый период. В работе Т. А. Кижасовой заявлено изыскание по теме менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губ. в годы Первой мировой войны. Закономерная связь двух понятий дала возможность соединить их в данном историческом исследовании, в формулировке объекта и предмета, а также цели работы [26]. Автор выявила наличие патриотизма и монархизма в сознании крестьян, падение религиозной обрядности, отношение к войне как к неподвластному стихийному бедствию. Были избраны базовые ценности – Родина, религия, власть – и выявлялось отношение крестьян к ним, а также к начавшейся Первой мировой войне.

Отметим, что полученные авторами исследований выводы иногда противоречат друг другу. Так, если О. С. Поршневой обосновывается разрушение ценности монархии в глазах крестьянства [42, с. 121 – 123], то, по данным Т. А. Кижасовой, напротив, предпочтение монархизма в сознании данного социального слоя сохранялось.

Продуманный подход изучения городской ментальности Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. представлен в работе Е. А. Андреевой [2]. Автор во введении указала, что рассматривает ментальность в широком смысле, как структуру сознания с наличием нескольких пластов, не вполне однородных по своему составу. Перед взором исследователя оказываются как долговременные элементы ментальности, так и более подвижные. Сфокусировав свой взгляд на базовых для народной ментальности вопросах – богатство и бедность, свои и чужие, престижность и солидарность, – автор в социально-культурном аспекте показывает ментальные установки населения в рассматриваемый период. Выявляется неоднозначность восприятия в обществе таких категорий, как бедность и богатство, в зависимости от причин, породивших это явление (если бедность по лени, нерадивости – это осуждалось, если богатство нажито нечестным трудом – также вызывало отрицательную оценку), поливалентность их оценки на общественном уровне и амбивалентность – на индивидуальном, сложная, в конечном итоге выходящая на христианские нравственные ориентиры, структура ментальных проявлений в обществе по отношению к различным жизненным категориям, людям и их поступкам [2, с. 62 – 107].

Особняком в ряду исследований по ментальности стоят работы, которые специально посвящены изучению протестных настроений, ментальности масс в период какого-либо переломного события (войны, революции). Так, монография В. Ю. Титова посвящена менталитету крестьянского протеста в Восточной Сибири с

80-х гг. XX в. по 1920-е гг [53]. Автор рассматривает протестные отношения крестьянства в повседневной жизни. На наш взгляд, данная книга изобилует богатым фактическим материалом по жизнедеятельности крестьянства в рассматриваемый период и отражает творческий исследовательский поиск по проблеме ментальности. Правомерно суждение рецензентов на эту монографию о том, что «целью книги является скорее изучение роли протеста в крестьянском менталитете» [14, с. 154]. Возникают вопросы о соотношении применяемых категорий ментальности в исследовании «менталитет протеста», «протест в менталитете», «менталитет общинника». Слово «менталитет» употребляется довольно часто, но в разном контексте, с различным смыслом. Например, фраза о том, что «неоспоримое влияние имел менталитет окружающих, условия жизни, которые вызывали вполне понятный народный протест» [53, с. 122 – 123] и дальнейшие рассуждения автора могут озадачить читателя вопросом – о каком же всё-таки менталитете идёт речь?

Подводя итоги обзору историографии по указанной проблематике в постсоветский период, можно сделать следующие выводы. Закономерным является рост интереса отечественных историков к теме ментальности и появлению новых работ в этом направлении в непростой для отечественной исторической науки период, когда вместе с крушением социализма ушли в прошлое прежние методологические установки, наступил кризис исследовательских парадигм мышления с устоявшимся набором подходов, приёмов и методик анализа исторического процесса. Объяснение всех аспектов прошлого экономической детерминированностью, абсолютизация фактора экономических отношений как главных, определяющих все стороны социального развития после отказа стран от строительства коммунизма в русле марксистско-ленинской концепции были поставлены под вопрос в плане своей состоятельности. В таких условиях внимание историков к роли общественной психологии, сознания и стереотипов мышления в историческом развитии объективно должно было возрасти. Творческий, исследовательский поиск в освещении эволюции общества, факторов, определяющих эту эволюцию, влияющих на её особенности, закономерно приводит к теме ментальности. Закономерно поэтому появление работ, переосмысляющих революционные потрясения в стране, их причины и характер, трудов, где демонстрируются попытки объяснить события по-новому, с учётом коллективных эмоциональных шаблонов, предпочтений, конкретного психологического восприятия событий, явлений, реальности в целом различными социальными слоями. Рассмотренные нами работы показывают определённые тенденции в исследовании историками ментальности. Объектом анализа учёных становятся как отдельные классы и слои населения в плане социально-психологических установок, крестьянство, рабочие, солдаты, предприниматели, так и на-

селение в целом, имеющее общие условия жизни (провинциальные, городские, сельские). Историки, беря на вооружение широкую трактовку понятия «ментальность», активно привлекают различные виды документов, массивы архивных и опубликованных источников, несущих в себе информацию о духовных устремлениях людей, их ценностях, их реакции на события и вызовы эпохи. Почти все рассмотренные выше труды посвящены изучению сознания в эпоху модернизации, когда разрушаются уклады традиционного общества и укореняются новые ценности и предпочтения. И это также закономерно, так как трансформация общества из прединдустриального в индустриальное представляет собой одну из интереснейших проблем мировой истории. Освещение ментальности населения в период распространения модернизационных социальных норм благодаря появившимся трудам названных авторов позволяет глубже понять характер исторического процесса, особенности цивилизационного развития, образа жизни.

Все вышеперечисленные исследования по ментальности как на общероссийском материале, так и на региональном, являются на сегодняшний день продуктивным этапом развития данного направления в отечественной исторической науке. Причём продуктивным, на наш взгляд, этапом они будут являться и в том случае, если в науке произойдёт всестороннее и глубокое осмысление термина «ментальность», его сути, насколько она неподвижна и, напротив, насколько изменчива. Вероятно, появятся основательные исследования, в соответствии с которыми будет ясно, можно ли говорить о «коренной ломке менталитета» применительно, скажем, к периоду пятидесяти лет, как это сейчас встречается в исследованиях.

Говоря о перспективах развития данного направления в исторической науке, представляется возможным говорить о долговременном утверждении внимания историков к такому аспекту социальной истории как ментальность. Это вызвано как потребностями самой науки, так и реалиями сегодняшней жизни, когда сознание человека подвергается всевозможным атакам информационного общества, и поэтому весьма актуальным является вопрос о том, что происходит с ментальностью в переломную историческую эпоху. Ментальность – важная составляющая часть повседневности прошлого, быта, образа жизни, культуры, гендерных вопросов и ряда других тем, изучение которых в нашей науке ещё только начинается. Говоря об отложившихся исторических исследованиях по ментальности, мы можем признать, что достигнутые в них результаты дают нам знания как по внесознательному уровню социальной психологии, так и по пограничной области неосознанного и осознанного, и раскрывают существенную сторону социальной истории, которую невозможно игнорировать, воссоздавая прошлое.

Литература

1. Алексеев, А. В. Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX – начала XX веков; историко-конфессиональный (православный) взгляд: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Алексеев. – М., 2008.
2. Андреева, Е. А. Ментальность городского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Андреева. – Томск, 2009. – 345 с.
3. Афанасьев, Ю. Н. Вчера и сегодня французской "Новой исторической науки" [Текст] / Ю. Н. Афанасьев // Вопросы истории. – 1984. – № 8.

4. Афанасьев, Ю. Н. Историзм против эклектики: Французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии / Ю. Н. Афанасьев. – М.: Мысль, 1980. – 277 с.
5. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 541 с.
6. Беспалова, Ю. М. Ценностные ориентации предпринимательства в России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв.) / Ю. М. Беспалова. – СПб.: Изд-во С-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 1999. – 128 с.
7. Бессмертный, Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции / Ю. Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1991. – 235 с.
8. Бойко, В. П. К вопросу о социальной психологии крупной российской буржуазии второй половины XIX в. [Текст] / В. П. Бойко // Из истории буржуазии в России. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1982. – 156 с.
9. Бойко, В. П. Социально-психологические особенности сибирской буржуазии второй половины XIX века (по мемуарным источникам) [Текст] / Бойко В. П. // Вопросы истории дореволюционной Сибири. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1983.
10. Бойко, В. П. Томское купечество конца XVIII – XIX веков / В. П. Бойко. – Томск: Водолей, 1996. – 320 с.
11. Булдаков, В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 965 с.
12. Буховец, О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в.: новые материалы, методы, результаты / О. Г. Буховец. – М.: Мосгорархив, 1996. – 398 с.
13. Бушмаков, А. В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Бушмаков. – Пермь, 2006.
14. Ващук, А. С. Менталитет крестьянского протеста в Восточной Сибири. Середина 1880-х – 1920-е годы [Текст] / А. С. Ващук, А. П. Коняхина // Россия и АТР. – 2005. – № 1.
15. Вейт, А. А. Российский менталитет как предмет философско-антропологического исследования : автореф. дис. ... канд. философ. наук / А. А. Вейт. – Пермь, 2006.
16. Ветрова, О. А. Особенности влияния искусства на менталитет русского человека: автореф. дис. ... канд. социол. наук / О. А. Ветрова. – Курск, 2004
17. Воловикова, М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете: автореф. дис. ... д-ра псих. наук / М. И. Воловикова. – М., 2005.
18. Всемирная энциклопедия: Философия. – М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
19. Громыко, М. М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества [Текст] / М. М. Громыко // История СССР. – 1971. – № 3.
20. Громыко, М. М. Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII – первой половины XIX в. [Текст] / М. М. Громыко // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). – Новосибирск: Наука, 1975.
21. Гуревич, А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии [Текст] / А. Я. Гуревич // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М., 1989.
22. Гуревич, А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.
23. Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 395 с.
24. Еромасова, А. А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры (философско-антропологический анализ): автореф. дис. ... докт. философ. наук / А. А. Еромасова. – СПб., 2007.
25. Зубкова, Е. Ю. Ментальное измерение истории: поиски метода [Текст] / Е. Ю. Зубкова, А. И. Куприянов // Вопросы истории. – 1995. – № 7.
26. Кижаева, Т. А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Кижаева. – Барнаул, 2006.
27. Кожевин, В. Л. Российская революция 1917 г. и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения [Текст] / В. Л. Кожевин // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 3.
28. Кром, М. Отечественная история в антропологической перспективе [Текст] / М. Кром // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М.: АИРО – XX, 2003.
29. Культурология. XX век. Энциклопедия. – Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 447 с.
30. Лотман, Ю. М. Воспитание души / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург.: Искусство – СПб, 2005. – 624 с.
31. Лямин, С. К. Менталитет населения прединдустриального города 1860 – 1870-х гг. (по материалам Тамбова): автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. К. Лямин. – Тамбов, 2003.
32. Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы Междунар. конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – 439 с.
33. Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв. – М.: ИРИ, 1996. – 215 с.
34. Менталитет и политическое развитие России: тезисы докл. научн. конф. – М.: ИРИ, 1996. – 149 с.
35. Менталитет россиянина: история проблемы. Материалы 17-й Всероссийской заочной научной конференции. – СПб.: Нестор, 2000. – 238 с.
36. Ментальность россиян. – М.: Имидж-контакт, 1997. – 474 с.
37. Миненко, Н. А. К изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII в. [Текст] / Н. А. Миненко // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). – Новосибирск: Наука, 1975.

38. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). – Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.
39. Островская, Л. В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) [Текст] / Л. В. Островская // Общественный быт и культура русского населения Сибири XVIII – начала XX вв. – Новосибирск: Наука, 1983.
40. Полежаев, Д. В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: автореф. дис. ... д-ра философ. наук / Д. В. Полежаев. – Волгоград, 2009.
41. Поликарпов, В. С. История нравов России. Восток или Запад / В. С. Поликарпов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 575 с.
42. Поршнева, О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – 1918): дис. ... д-ра. ист. наук / О. С. Поршнева. – Екатеринбург, 2000. – 359 с.
43. Поршнева, О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2000. – 414 с.
44. Преображенский, А. А. Московский купец середины XIX века о времени и о себе [Текст] / А. А. Преображенский // Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв. – М.: ИРИ, 1996.
45. Сергеев, А. В. Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX – XX вв. (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Сергеев. – Ижевск, 2007.
46. Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы VI Всерос. науч.-практ. Интернет-конф. на сайте sib-subethnos.narod.ru (15 янв. – 31 мая 2010 г.). – Красноярск, 2010.
47. Скубневский, В. А. Барнаульские купцы Суховы – предприниматели и меценаты: историко-социологический очерк [Текст] / В. А. Скубневский // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993.
48. Скубневский, В. А. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX вв. / В. А. Скубневский, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. – 241 с.
49. Социология. Энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1312 с.
50. Скубневский, В. А. Роль купечества в развитии народного образования Барнаула во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / В. А. Скубневский // Культурное наследие Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1994.
51. Старцев, А. В. Меценаты. Штрихи к социальному портрету алтайского купечества [Текст] / А. В. Старцев // Алтайский сборник. – Барнаул, 1991. – Вып. 14.
52. Старцев, А. В. Общественная и культурная деятельность предпринимателей Алтая [Текст] / А. В. Старцев // Предпринимательство на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993.
53. Титов, В. Менталитет крестьянского протеста в Восточной Сибири (середины 1880-х – 1920-е гг.) / В. Титов. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2003. – 212 с.
54. Трофимов, В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект): автореф. дис. ... д-ра. философ. наук / В. К. Трофимов. – Екатеринбург, 2001.
55. Цигвинцева, Г. Л. Особенности формирования и функционирования менталитета русского народа: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Г. Л. Цигвинцева. – Пермь, 2005.
56. Южалина, Н. С. Менталитет как социокультурная целостность: автореф. дис. ... канд. культурологи / Н. С. Южалина. – Челябинск, 2003.

Информация об авторе:

Литягина Алла Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина, 8-962-822-09-81, alityagina@yandex.ru.

Lityagina Alla Vladimirovna – Candidate of History, Associate Professor at the Department of World History of the Shukshin Altai State Academy of Education